

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 940.3/.4

Э. Г. Абдрашитов

ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА ВРАГА В РОССИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И ПРОБЛЕМА ВОЕННОПЛЕННЫХ РОССИЯН

В статье рассматриваются особенности развития в России пропагандистской кампании в годы войны и причины ее неэффективности, а также влияние пропаганды и военных неудач на отношение

российского общества к пленным соотечественникам.

Ключевые слова: пропаганда, враг, военнопленные, цензура, шпионы.

E. G. Abdrashitov

FORMATION OF AN IMAGE OF THE ENEMY DURING THE FIRST WORLD WAR IN RUSSIA AND PROBLEM OF RUSSIANS PRISONERS OF WAR

In this paper specific feature of Russian public awareness campaign during war and reason for its inefficiency is studied. The author shows how Russian society's attitude to-

wards Russian prisoners of war depended on propaganda and military defeats.

Key words: public awareness campaign, enemy, prisoners of war, censorship, spies.

В России пропагандистская война велась бессистемно, хаотично, без наличия единого контролирующего начала. Стране, особенно на начальном этапе, не хватало полиграфического оборудования и профессиональных кадров. Поэтому в первые месяцы войны во многих армиях не удалось должным образом поставить агитацию и пропаганду. Во главе войсковых газет зачастую оказывались люди неподготовленные для этой работы [15]. Военное министерство, Генеральный штаб выдают различные агитационные издания. Затем к этой работе подключаются фронтовые, армейские и даже корпусные газеты. Однако их качество находилось на низком уровне, и в большинстве случаев они не пользовались доверием среди солдат. Их содержание было полностью направлено на убеждение солдат в успешном исходе войны, тиражировании армейской героики.

В 1915 г. при ставке Верховного Главнокомандующего создается Бюро печати, которое должно было собирать информацию, поступавшую из стран Антанты и ее противников, в том числе и агитационные издания, готовить собственную агитационную продукцию и распространять ее в России и за ее пределами. Большие надежды Бюро возлагало на сотрудничество с российской периодикой. Однако из этого ни чего не вышло, и к 1916 г. стало очевидно, что Бюро не в состоянии выстроить диалог с собственной периодической печатью. С одной стороны, это было связано с непрофессионализмом сотрудников Бюро, стремившихся свою волю бесцеремонно навязывать российским газетам. С другой стороны, это связано с набирающим силу расколом между властью и обществом. Общественность, в том числе журналисты, все меньше доверяла власти

и не желала особенно активно идти на сотрудничество с ней. Значительную роль в представлениях российских властей для поднятия патриотического духа населения страны должно было играть издание агитационных брошюр. Только к лету 1915 г. выходит 1959 наименований книг с общим тиражом в несколько млн. экземпляров. Газеты тиражировали образы героев войны, наиболее популярным в этом плане становится казак Козьма Крючков [12].

Для проведения работы в нейтральных странах Генеральный штаб при поддержке других структур создает телеграфное агентство «Нордзюд» с представительствами в Бухаресте, Стокгольме и Копенгагене. Агентство должно было проводить пропагандистскую работу в нейтральных странах, стремясь таким образом усилить позиции страны в этих государствах. Однако значительные финансовые вливания и заверения российских представителей агентства в эффективности работы не убедили Петроград в оправданности дальнейшей работы данной организации, и в мае 1916 г. она была ликвидирована, а его функции были возложены на другие структуры.

Интерес России к нейтральным странам не был случайным. Как уже отмечалось, пропагандистские войны в 1914–1917 гг. развернулись и на их территории. С одной стороны, часть из них воюющие стороны хотели привлечь на свою сторону и по возможности подключить к боевым действиям. С другой стороны, через нейтральные страны можно было передавать информацию на территорию противника и своих союзников. В России за это направление работы отвечали МИД, военное ведомство и Петроградское телеграфное агентство. В целом следует признать, что Россия здесь проигрывала своим конкурентам, в большей степени оправдываясь, а не ведя наступление. Этому способствовали военные поражения, внутренние неурядицы, отсутствие профессиональных кадров. По мере нарастания в стране внутривластного кризиса позиции России в нейтральных государствах ослабевали [2, с. 107]. Мощь, и

сила России ставились под сомнения, как представителями политической элиты этих стран, так и рядовыми жителями.

Обе воюющие стороны активно привлекали к пропагандистским войнам представителей интеллектуальной элиты, в том числе известных художников, поэтов, писателей, актеров и т.д. Школа, университеты, культура полностью были поставлены на службу пропаганды. Представители художественных кругов воюющих сторон также оказались втянутыми в войну. Войну в 1914 г. в России воспевал Н. Гумилев, называя ее святой и великой, сравнивая участие в ней с религиозным подвигом [16, с. 97]. Над патриотическими лубками работали В.В. Маяковский и К.С. Малевич, патриотизм был присущ А. Блоку, хотя после 1917 г. он изменил к ней отношение и др. [10, с. 26].

Одной из особенностей информационной войны в 1914–1917 гг. является доминирование в качестве ретранслятора идей печатной (визуальной) продукции в условиях отсутствия телевидения и слабого развития радио. Поэтому важным элементом информационной войны становится карикатура. Каждому народу приписывались определенные негативные этнические стереотипы. В России еще до войны применялись карикатурные черты при описании немцев, их называли «колбасниками», «сосисками», «копченными». В пруссаках отмечались воинственность, жестокость и педантизм [36, с. 86]. Особо в странах Антанты любили карикатурные образы Вильгельма II [33]. В этом плане Франц-Иосиф и османский султан имели малый интерес среди художников. В свою очередь германские и австро-венгерские художники постоянно в неприглядном свете выставляли Николая II и британского монарха.

В России ненависть к немцам в 1914 г. не имела столь яркой окраски, как сложившийся негативный образ россиян в Германии. Естественно, мы не говорим о первых днях войны, когда антигерманские настроения в обществе зашкаливали и выливались в спонтанные погромы и беспорядки. Так, один из вернувшихся из плена великих князей, где он пробыл 7 месяцев, отмечал,

что его больше всего поразило в Отечестве отсутствие злобы против немцев [24]. Его удивляло сохранение немцами – поданными России – важных постов в государственном аппарате, экономике и т.д.

В целом следует отметить, что действия российской пропаганды нельзя назвать удачными. Генерал А.А. Брусилов с горечью подчеркивал, отмечая техническую неготовность страны к войне, и провал пропагандистской кампании в России: «Еще хуже была у нас подготовка умов народа к войне. Она была вполне отрицательная... Даже после объявления войны прибывшие из внутренних районов России пополнения не понимали, какая это война свалилась на их головы...» [4, с. 81–82]. Власти России не до конца осознавали важность укрепления пропагандистской работы, как внутри страны, так и за ее пределами. Внутри страны неудачи российской пропаганды во многом были связаны с социокультурными особенностями русского общественного сознания, они «...своими корнями уходили в неразвитость массовой культуры в дореволюционной России» [3, с. 65].

Практически поголовная неграмотность населения затрудняла проведение пропагандистской работы в тылу и на передовой российской армии. «Солдат не только не знал, что такое Германия и тем более Австрия, но он понятия не имел о своей России-матушке. Он знал свой уезд и, пожалуй, губернию... и на этом заканчивалось его знакомство со своим Отечеством. Откуда же было взяться тут патриотизму, сознательной любви к великой родине», – писал по поводу культурного уровня солдат российской армии генерал А. А. Брусилов [4, с.83].

В стране медленно развивался рынок печатной продукции, несмотря на рост спроса на газеты в годы войны. Средства массовой информации слабо адаптировали материалы к особенностям крестьянского менталитета и образа жизни. Поэтому ставка на средства массовой информации как проводника правильных и нужным властям идей полностью провалилась. Солдаты и крестьяне не понимали язык газетных ста-

тей. Оптимизм газет не стыковался с апатией фронтовиков. Поэтому для них важным источников информации становятся слухи. Пропаганда ориентировалась на прошлое и настоящее, а слухи на будущее.

После первоначального взрыва патриотических чувств в российском обществе начинает нарастать усталость от войны. Крестьяне интересовались войной только в том смысле, насколько она затрагивала интересы их хозяйства и близких, оказавшихся на фронте. Патриотизм отсутствовал и в письмах солдат с фронта, в них шли рекомендации своим родным и близким, оставшимся в тылу о способах ведения хозяйства, о супружеской верности, о трудностях жизни в тылу и на фронте [27, с. 169].

Внутри страны и за ее пределами российская пропаганда постоянно обыгрывала проблему славянского братства. В то же время, в России многие политики данный аспект сводили к «горячему» желанию всех славян присоединиться к России [3, с. 14]. Этот тезис не находил понимания среди большинства зарубежных славян. В то время как российские крестьяне и солдаты с трудом понимали, что из себя, представляет Сербия и где она находится [4, с. 82–83]. Поэтому российские солдаты мало понимали смысл тех агитационных брошюр, которые оказывались у них на руках.

Часть российских интеллектуалов также относились к войне противоречиво. М. Волошин отмечал разницу в российском и французском патриотизме. Франция напрягла всю волю и мускулы для победы, Россия погрязла в индивидуальном и парадоксальном взгляде на войну, поэтому «... мы имеем право не желать поголовного истребления германской расы; русская военная цензура, гораздо более милостива, чем французская...» [6, с. 181]. М. Цветаева осуждала крайности антигерманской кампании [35, с. 76].

Сила контрпропаганды противников России заключалась в том, что она больше ориентировалась не на объяснение высоких геополитических проблем, а обращалась к повседневности солдат. В частности,

Австро-Венгрия не имела значительных ресурсов для организации собственной массовой пропагандистской кампании, но ее действий очень опасалось высшее военное руководство России. Австро-венгерские листовки призывали российских солдат к сдаче в плен, после чего сразу закончатся их мучения и они смогут спокойно переждать войну в плену, а затем без препятствий вернуться домой. Российская пропаганда ориентировалась на военные успехи, а их было мало. В этом заключалась ее главная проблема [3, с. 13].

Весной – летом 1915 г. российская армия терпела тяжелые поражения по всему фронту, что сопровождалось общим отступлением. Затягивание боевых действий в купе с потерей колоссальных территорий негативно отразилось на экономическом состоянии страны. Ура-патриотические настроения, господствовавшие в обществе на протяжении первых месяцев войны, сменились вполне ожидаемой апатией и неверием в способность власти привести страну к победе. Поэтому в прессе все чаще стал подниматься всех волнующий вопрос: «Кто виноват?». Начался новый виток поиска общего врага, который был способен консолидировать общество.

Следует подчеркнуть, что антигерманские пропагандистские установки в 1915 г. имели определенный эффект среди городских низов и среднего класса внутри России. Барон Н.Н. Врангель по этому поводу писал: «Негодую на немецкие зверства, все с пеной у рта повторяют преувеличенные слухи о жестокостях немцев по отношению к русским, попавшим к ним в руки» [7, с. 47]. Известный российский драматург Е. Шварц с ужасом вспоминал истерию первых дней войны, когда во время показа спектакля «Король, закон, свобода» прозвучала фраза «...открыть плотины и затопить немцев», публика впала в неистовство [37, с. 600]. Публикации о бесчинствах германских властей по отношению к русским подданным, оказавшимся на территории Германии, в том числе к представителям императорской фамилии, способствовали разжиганию

ненависти к немцам в России. Они послужили одним из факторов, способствовавших немецким погромам, прокатившимся по российским городам в 1915 г. [23, с. 18].

Плохое экономическое положение в стране, в частности выразившееся в неспособности власти должным образом организовать подвоз продовольствия в большие города, привело к тому, что в апреле 1915 г. на мясных рынках Петрограда прошли волнения. 20 апреля в качестве протеста против цен на мясо на рынке женщины стали переворачивать лари торговцев и избивать их, обвиняя торговцев в спекуляции и в умышленном сокрытии продуктов. Порядок пришлось восстанавливать, используя силы правопорядка [11]. Через день ситуация повторилось, на рынке пришлось установить постоянное дежурство полиции [13]. 21 апреля аналогичные беспорядки начались в Москве.

В дальнейшем ситуация усугубилась в связи с широкомасштабным наступлением противника на Восточном фронте с мая 1915 г. К 25 мая стало очевидно, что удержать Перемышль не представляется возможным. 3 июня Ставка официально сообщила об оставлении Перемышля [30]. Пресса в целом заняла взвешенную позицию по отношению к случившемуся, однако именно моральная составляющая отступления именно от этой крепости была наиболее болезненна для россиян.

10 июня 1915 г. многотысячная толпа с портретами императора и флагами двинулась на Красную площадь, после чего она стала растекаться по близлежащим улицам. Люди заходили в магазины и требовали предъявить документы, чтобы убедиться в том, что их владельцы не были «австро-германцами». Поначалу такое свидетельство, если оно, было, помогало, но приблизительно после трех часов дня процесс окончательно вышел из-под контроля [14]. Погром «немцев» в Москве длился до конца июня 1915 г.

По свидетельству П. З. Крачкевича: «Погром немецких фабрик, магазинов, квартир в Москве летом 1915 г. в действительности

был только прелюдией к тому страшному, безумному нечеловеческому пожару, который разразился и обуглил потом всю Россию. Уже тогда можно было заметить, что нервное напряжение в народе, его недовольствие достигли кульминационного пункта и что разрядить эту атмосферу должно и необходимо» [19, с. 15].

События в столицах вызвали отклик в провинции. Во многих регионах предпринимаются меры по недопущению погромов. В Казанской губернии также набирали силу антигерманские настроения [25, л. 220]. Во многом это было связано с падением уровня жизни населения, обыватель усиленно искал объяснения данному факту. Образ внутреннего врага, стремившегося извести голодом россиян, лучше всего подходил для этого. Известия о поражениях на фронте раздражали жителей страны, поэтому попытка разделаться с «германцем» в России являлась для них некоторым утешением. Кроме этого обыватель был уверен, что на фоне нарастания продовольственного кризиса в России и издевательств немцев и венгров над российскими военнопленными в Германии и Австро-Венгрии, пленные солдаты армии Германии и Австро-Венгрии в России, в частности в Казанской губернии, жили вполне вольготно [26, л. 43].

Немецкие погромы вызвали отвращение у части представителей российской политической и интеллектуальной элиты. Генерал Ю.А. Данилов был уверен в том, что погромы организовали «уличные горлопаны, которых всегда и везде много» и которым было без разницы, что крушить. Погромы, по его мнению, отражали не ненависть к немцам как таковым, а недовольство правящим режимом и его неспособностью решить внутривнутриполитические проблемы, провалами на фронте [17, с. 83]. Часть вины за разжигание страстей генерал возлагал и на российскую прессу.

В стране не был сформирован единый патриотический лагерь, а единение значительной части разных политических, классовых и национальных течений в начале войны оказалось лишь кратким эпи-

зодом. Падение авторитета власти сопровождалось бурлением практически всего населения страны [20, с. 49]. В этой связи, власть выбрала далеко не самый удачный путь единения нации, поддерживая анти-немецкую пропаганду и разжигание националистических настроений. Подобная идеология растеряла свою актуальность и притягательность в начале войны. Поэтому был растиражирован образ врага, шпиона и предателя.

Как следствие, мы видим раздувание в прессе кампании шпиономании, выразившейся в публикации информации о многочисленных разоблачениях шпионов и поимке предателей. Тактически эта политика могла дать результат на непродолжительном отрезке времени; стратегически – последствия для страны оказались крайне болезненными. Причем правительство само возглавило борьбу со шпионами и предателями. Так, осенью 1915 года началось следствие по делу о «государственной измене» военного министра В. А. Сухомлинова. Более сильного удара по авторитету военного командования и представить сложно. Именно поэтому количество военнопленных стали объяснять массовой изменой и дезертирством российских воинов.

Поэтому не раз в России военнопленные сравнивались с предателями, об этом писали реакционные газеты и публицистические издания. «Сдающийся в плен предает интересы своей Родины... Кроме вечно-го, несмываемого позора, они (сдавшиеся в плен – прим. авт.) навлекают на свою голову суровые наказания», – такая оценка пленным давалась в одной из брошюр, изданных во время войны [1, с. 8–9]. После таких размышлений обывателю очень трудно было разобраться в том, кем же являются пленные – соотечественниками, героями, нуждающимися в помощи или жалкими предателями.

Высшее военное руководство страны обсуждало проблему наказания солдат, добровольно сдавшихся в плен. Правда, здесь сразу возникал вопрос, по каким критериям определять добровольно или

недобровольно солдат попал в плен. Дальше всех в своем «патриотизме» пошел командующий 10-й армией генерал Ф. В. Сиверс, которого трудно отнести к разряду талантливых и успешных полководцев. Он предложил запретить после войны пленным возвращаться на родину. Многие офицеры отнеслись резко отрицательно к таким заявлениям. Начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал Н. И. Янушевич выдвинул компромиссный вариант. Генерал предложил лишить всякой помощи со стороны государства семьи военнопленных [21, с. 483].

В своих воспоминаниях бывший военный министр России А. Ф. Ридегер прямо отмечал, что высшее военное руководство не считало нужным заботиться о положении российских военнопленных в Германии и Австро-Венгрии, чтобы таким образом сократить количество сдающихся в плен в будущем [31, с. 424]. Более того для этой же цели предполагалось поставить на широкую основу пропаганду описания зверств противника над военнопленными, что должно было формировать у солдат чувство страха и останавливать их от сдачи в плен. Следует отметить, что в 1915 г. денежное пособие для семей солдат, попавших в плен, существенно сокращают или вообще прекращают выплачивать. На страницах газет начинают публиковать списки сдавшихся в плен, что ложилось позором на семью. В 1915 г. газета «Волга» по инициативе саратовского губернатора публикует данные списки с уведомлением о лишении пособий семей пленных [5].

Летом 1915 года Ставка Верховного главнокомандующего даже ввела запрет на отправку в Германию и Австро-Венгрию сухарей и хлеба для пленных, под тем основанием, что продовольственные посылки пополняют продовольственный фонд противника [29, л. 1]. В российском обществе постоянно обыгрывалась проблема расхищения германскими и австро-венгерскими солдатами посылок, направленных из России в Германию и Австро-Венгрию для российских военнопленных. Не раз звучали

утверждения о том, что отсылая посылки, россияне, тем самым, кормят противника [9, л. 164]. Однако Н. В. Брусилова и другие представители благотворительных организаций призывали не снижать объемы поставляемой пленным россиянам помощи, усиливая контроль за доставкой посылок в лагеря Германии и Австро-Венгрии [34].

Такого рода рассуждения не могли укрепить веру рядовых россиян в важность оказания помощи пленным. В этой связи необходимо выделить и объективные причины пассивности крестьян и других социальных групп. Значительная часть россиян имела низкий уровень жизни, который снижается в годы войны, многие семьи реально не могли пожертвовать часть доходов не только для оказания помощи абстрактным военнопленным, но даже своим родственникам, попавшим в плен.

Германские власти, напуганные такими действиями России и, боясь, что это обстоятельство приведет к ухудшению снабжения германских военнопленных в России, срочно издают в октябре 1915 г. специальную директиву, согласно которой все официальные структуры Германии должны были предпринимать меры по недопущению разворовывания посылок, адресованных российским военнопленным [22]. Чтобы, таким образом, убрать подозрения со стороны России и, следовательно, обезопасить своих военнопленных. Только осенью 1916 г. были сняты все запреты на пересылку посылок пленным из России [28, с. 178].

Неминуемость наказания при добровольной сдаче в плен старались довести до сведения солдат. В специальной памятке для новобранцев говорилось о необходимости сражаться до последнего штыка-патрона, и в случае добровольной сдачи в плен солдатам сулили самые строгие санкции после окончания войны [18, с. 9].

В мае 1916 г. в разгар компании по сбору средств в пользу военнопленных, развернутой земскими и либеральными организациями, из Ставки Верховного Главнокомандующего приходит письмо на имя Начальника Штаба Кавказской армии. В

нем говорилось «о возможном содействии к воспрещению воззваний и газетных объявлений о пожертвовании в пользу пленных и об отмене общественного характера этого дела с откровенным разъяснением обществу необходимости прекращения сердолобия там, где оно не нужно...» [8, л. 67]. Следовательно, генералитет стремился не только ограничить помощь военнопленным, но и исключить из периодики все упоминания о необходимости оказания помощи, и при удобном случае распустить все общественные организации, занимающиеся сбором средств в пользу военнопленных. Этой позиции придерживалась значительная часть окружения императора, хотя сам Николай II

стремился до минимума свести разговоры о военнопленных. В провинции цензура зачастую запрещала публиковать воззвания, призывавшие население собирать средства для пленных россиян. Так, Ставропольский губернатор также относил военнопленных практически к разряду предателей, полагая, что увеличение им помощи будет способствовать дезертирству [9, л. 49].

В данной связи очень примечательно, что Председатель фонда Александры Федоровны князь Голицын, отчитываясь о деятельности организации в 1916 г., ни разу не использовал термин «Военнопленные», что было весьма симптоматичным явлением [8, л. 67].

Литература

1. Андрианов П.М. Победная слава и позор плена. – Одесса, 1916.
2. Асташов А.Б. Политическая пропаганда на нейтральные страны в годы Первой мировой войны: организации, средства, методы // Европейские сравнительные исторические исследования. – М., 2002.
3. Асташов А.Б. Пропаганда на русском фронте в годы первой мировой войны. – М., 2012.
4. Брусилов А.А. Мои воспоминания. – М., 1963.
5. Волга. – 1915. – 1 марта.
6. Волошин М.А. Автобиографическая проза. – М., 1991.
7. Врангель Н.Н. Дни скорби. – СПб., 2001.
8. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф.101. Оп.5. Ед. хр. 583.
9. ГАСК. Ф.116. Оп.1. Ед.хр. 278.
10. Гиппиус З.Н. Живые лица. Т.1. – Тбилиси, 1991.
11. Голос Москвы. – 1915. – №79.
12. Голос Самары. – 1915. – №15.
13. Голос Москвы. – 1915. – №80.
14. Голос Москвы. – 1915. – №124.
15. Голос фронта. – 1917. – №10.
16. Гумилев Н.С. Шестое чувство. – М., 1990.
17. Данилов Ю.А. На пути к крушению. Очерки последнего периода русской монархии. – М., 1992.
18. Краткие сведения для молодых солдат и ратников при четырехнедельном сроке обучения. – М., 1916.
19. Крачкович П.З. История Российской революции (записки офицера-журналиста) 1914 – 1920. Кн.1. – Гродно, 1921.
20. Кирьянов Ю.И. Были ли антивоенные стачки в России в 1914 г. // Вопросы истории. – 1994. – № 2.
21. Лодзинская операция: сборник документов империалистической войны. – М. – Л., 1936.
22. Мальков А.А. Деятельность большевиков среди военнопленных русской армии (1915–1919). – Казань, 1971.
23. Морозова Н.В. Немецкий вопрос и центральная периодическая печать России (июль 1914 – февраль 1917 гг.): автореф. канд.историч.наук – Волгоград, 2010.
24. Мы и они // Казанский телеграф. – 1915. – 15 февраля
25. Национальный архив Республики Татарстан (НАРТ). Ф. 1. Оп. 6. Д. 964.
26. НАРТ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 1073.

27. Оболенская С.В. *Германия и немцы глазами русских (XIX в.)*. – М., 2000.
28. Оськин М.В. *Неизвестные трагедии Первой мировой войны. Пленные. Дезертиры. Беженцы*. – М., 2011.
29. *Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 412. Оп. 1. Д. 344.*
30. *Речь*. – 1915. – №138.
31. Ридегер А. Ф. *История моей жизни. Воспоминания военного министра. Т. 2*. – М., 1999.
33. *Саратовская почта*. – 1915. – №42–49.
34. *Северокавказский край*. – 1916. – №117.
35. Цветаева М. И. *Стихотворения и поэмы*. – М., 1990.
36. Цыкалов Д. Е. *Карикатура как орудие пропаганды в период первой мировой войны // Вестник Волгоградского государственного университета*. – 2012. – Серия 4. – История. – №1.
37. Шварц Е. И. *Живу беспокойно...Из дневника*. – Л., 1990.

УДК 94(470):323.174

О. В. Адаменко

ОТНОШЕНИЯ ЗЕМСТВ РЕГИОНОВ РОССИИ С ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТЬЮ В 1913–1917 ГГ.

Статья посвящена проблемам взаимоотношений земских учреждений России с органами государственной власти в 1913 – 1917 гг. Автор раскрывает задачи, обобщает формы и виды деятельности земских учреждений, а также специфику отношений с властными органами разного уровня. Автор стремится проследить процесс, особенности и механизмы отношений

между властными органами и органами местного самоуправления в таком специфическом регионе, как юго-восток России. Обобщается практический опыт, накопленный местными земствами перед и во время Первой мировой войны.

Ключевые слова: местное самоуправление, государственные органы, земства, губернаторы, император, сотрудничество.

O. V. Adamenko

RELATIONSHIPS BETWEEN DISTRICT COUNCILS OF RUSSIAN REGIONS AND THE GOVERNMENT IN 1913–1917

The article discusses the relationships between district councils of south-eastern Russia and the government in 1913–1917. The author examines the mission, forms and types of activities of local institutions, as well as the specifics of their relationships with governmental agencies of different levels. The author studies the process, features and mechanisms of relations between gov-

ernment bodies and local authorities in such specific region as the south-east of Russia. The experience accumulated by district councils before and during the First World War is summarized.

Key words: local government, government agencies, district councils, the governors, the emperor, cooperation.

Взаимоотношения земств с отдельными государственными структурами отличались определенной спецификой. Своеобразные отношения сложились у органов самоуправления с верховной властью.

Судя по документам, император регулярно получал информацию о земской деятельности. Он визировал разработанные высшими государственными учреждениями законы, касающиеся органов само-